

УДК 001.8:124.5 (09)

ПОНЯТИЕ ПАРАДИГМЫ: ОТ КУНОВСКИХ АКЦЕНТОВ К ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Часть 2*

Ханжи В. Б.

Первая часть статьи была посвящена определению основных положений куновского видения развития науки, в первую очередь, – выявлению смысла понятия «парадигма». Во второй части осуществлено обобщение главных позиций критики концепции философа, а также развито начатое в первой части осмысление постнеклассических акцентов в артикуляции термина, вынесенного в заголовок работы.

Ключевые слова: парадигма, нормальная наука, научная революция, концептуальный каркас, исследовательская программа, сверхобобщающая парадигма.

Объектом данного исследования являются дискуссии, возникшие по ряду положений работы Т. Куна «Структура научных революций», а также современные (постнеклассические) акценты в понимании категории «парадигма». **Цель** работы – обобщение позиций критики куновского видения развития науки, осмысление постнеклассической артикуляции понятия парадигмы.

Первая часть статьи была посвящена куновскому толкованию развития научного знания, в первую очередь, его экспликации понятия парадигмы, а также предложен новый (постнеклассический) аспект рассмотрения парадигм, сложившихся в истории человеческой мысли, в том числе показаны различные принципы их комбинации. Однако, осознавая необходимость демонстрации разработки темы в виде критических замечаний и конструктивных предложений в трудах ученых, откликнувшихся на работу Куна, мы предлагаем уважаемому читателю вторую часть статьи. Нами будут обобщены взгляды западных исследователей второй половины XX века (в первую очередь, постпозитивистов) и замечания советских авторов, в конце статьи мы вновь обратимся к современным (постнеклассическим) акцентам в осмыслении понятия «парадигма».

Одно из самых часто озвучиваемых критических замечаний в адрес концепции Куна касается того, что автор подразумевает под «нормальной наукой». Напомним, что, согласно Куну, первоочередная функция «нормальной науки» – разработка и углубление положений парадигмы, причем, все адепты основных ее идей с

* Часть 1 была опубликована в научном журнале «Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. Социология», Т. 24 (63), № 1, 2011.

завидным упорством осуществляют кропотливую работу по «решению головоломок» именно в рамках заданных ею же предписаний. Такое положение критик автора «Структуры...» Пол (Пауль) Фейерабенд называет «принципом упорства (tenacity)» [16, с. 117]. Принцип упорства побуждает ученых не обращать внимания на ясные факты, перечисляющие господствующей теории, и не прибегать к другим теориям, даже если они устраняют трудности разрабатываемой и обеспечивают более удачное решение задач науки (например, несмотря на то, что, как пишет И. Лакатос, «теория Эйнштейна лучше... теории Ньютона в 1916 году..., поскольку она объясняет все, что успешно объясняла теория Ньютона» [17, с. 124], критика эйнштейновских взглядов ньютонами на утихала еще достаточно долгое время).

Следует различать «принцип упорства» и «правило упорства», сформулированное Х. Патнемом [18, с. 772]. Согласно правилу упорства Патнема, теория жизннна, пока она не противоречит данным, Фейерабенд же видит возможность сосуществования теории и опровергающих ее фактов. Упорство в этом контексте, ни в коей мере не является синонимом иррационального, эмоционального упрямства, напротив, принцип упорства рационален, ибо развивающаяся теория на более поздних этапах своей эволюции способна объяснять факты, которые противоречили ей ранее, кроме того, нельзя отрицать погрешность (иногда значительную) в результатах экспериментов – этот нюанс дает основания подвергнуть сомнению достоверность самих фактов.

Однако, рано или поздно, не выдерживающая атаки противоречий теория начинает требовать от ученых принятия определенных альтернатив извне. Отсюда и вытекает анонсированная ранее претензия: действительно ли нормальная наука монолитна в том смысле, что вне господствующей парадигмы ничего нет? Чем же порождено альтернативное? Реален ли «нормальный» период в куновском понимании или в действительности сама «нормальная» фаза включает в себя революционные элементы? И наоборот: как оценивать ситуацию, когда ученые во времена научных революций продолжают упорно («принцип упорства») решать головоломки в рамках предписаний теперь уже старой парадигмы? Не случайно Фейерабенд заключает: «...Концепция Куна, которая разделяет во времени периоды пролиферации и периоды монизма, полностью рушится [...]» [16, с. 124]. Таким образом, с его точки зрения, следует говорить не о размежевании во времени нормальной науки и научных революций, а о наличии «нормального» и «философского» компонентов в едином теле развития научного знания.

Подобное замечание звучит у С. Тулмина [13], который подчеркивает, что Кун слишком категоричен в разграничении периодов «нормальной науки» и «научной революции», более того, куновская картина развития науки, демонстрируя парадигмы как разительно отличные одна от другой, по сути, исключает диалогичность и полемичность между адептами старой и новой модели мысли. У Тулмина находим: «...новая система мышления настолько далеко отходит от старой системы, что основания перехода от старой системы к новой не могут быть объяснены ни в одной из этих систем, а приверженец новой системы не способен обсуждать теоретические проблемы с приверженцем старой системы» [13, с. 180]. По его мнению, такая абсолютизированная дискретность парадигм не отражает действительного положения дел в науке: ученые, принявшие новые веяния, четко

представляли себе, что побудило их к отказу от старой парадигмы – основанием для выбора в пользу нового зачастую является не авторитет создателя новой теории, не меркантильные соображения, а осознание того, что в рамках той совокупности убеждений и посылок, которая господствовала ранее, научные головоломки были разгадываемы не так глубоко и эффективно, как в парадигме, пришедшей на смену.

Следующий оппонент, Карл Поппер не согласен с двумя резко обозначенными противопоставлениями, имеющими место быть у Куна. Во-первых, противопоставление «нормальной науки» революционному периоду: в такой картине развития науки, замечает критик [12, с. 584-585], совершенно не ясно, каким образом вообще состоится переход к новой парадигме (концептуальному каркасу – термин Поппера), ибо «...рациональная дискуссия представляется невозможной вне установленного концептуального каркаса» [12, с. 585]. Во-вторых, критике подвергнуто противопоставление старого и нового каркасов как «несоизмеримых» (оно вытекает из первого). Развитие науки, согласно Попперу, гораздо гибче и разнообразнее. Реальность свидетельствует о том, что параллельно могут существовать две или несколько теорий (кстати, такое сосуществование «каркасов» или «парадигм» еще нагляднее в философии и в теологии), каждая с равными претензиями на господствование, и рациональная дискуссия между ними оказывается вполне плодотворной как для одной, так и для другой, более того, возможен итоговый синтез моделей (например, корпускулярно-волновой дуализм).

Не оставлен без внимания вопрос о «нормальной науке» и ее чередовании с научными революциями и представителями советской методологической школы. С. Р. Микулинский и Л. А. Маркова в послесловии к монографии Куна утверждают [11], что американский методолог явно промахнулся с термином «нормальная наука», причем дело здесь не только и не столько в наименовании, а, скорее, в сущности наименованного. Если Кун обозначает как «нормальное» то, что происходит на соответствующем этапе, то, следовательно, оно и является определяющим науку, наиболее типичным для нее. Но как можно назвать нормой то, что не имеет в себе оснований для революций, для дальнейшего кардинального обновления знания?! Отсюда вытекают две родственные претензии:

1) Почему американский методолог не считает нормой саму революционность (это побуждает Микулинского и Маркову предложить вместо термина «нормальная наука» термин «спокойное, эволюционное развитие» [11, с. 287]), ведь граница между революционным и нормальным периодом размыта, более того, «...те коренные сдвиги, которые происходят во время научной революции, назревают и подготавливаются в предшествующий период, ... между периодами спокойного, эволюционного развития и научной революцией существует прямая внутренняя связь» [11, с. 288]? Нарушение принципа историзма здесь налицо.

2) Почему Кун не отвечает на вопрос о возникновении нового знания? (философ детально разрабатывает вопрос выбора между старой и новой парадигмами, перед которым стоят ученые, переживающие коренные переломы в науке, но решение этого вопроса могло бы оказаться логичным продолжением разработки проблемы новизны).

Томас Кун, принимая критику об относительности разграничения нормальной науки и научных революций, о том, что концептуальные изменения происходят гораздо чаще, чем это ему видится, начинает (с 1965 года) демонстрировать

динамику развития науки как сплошной процесс микрореволюций, как «непрерывную революцию». Однако, по мнению Тулмина [13], эта крайность также ущербна в силу нивелиации ясности различия периодов разработки парадигмы и ее кризиса с последующими революционными преобразованиями. Таким образом, куновские взгляды 1962 года, принципиально обособляющие периоды нормальной науки и научной революции, не демонстрируют реальной диалектичности научного движения, выражающейся в том, что даже в «нормальный» период мы не наблюдаем абсолютной монолитности парадигмы и единодушия ее адептов. В то же время, доктрина американского философа науки 1965 года (озвученная на симпозиуме в Бедфорд-колледже (Лондон) [см.: 13, с. 176]), уже представляющая развитие научного знания как последовательность микрореволюций, ущербна тем, что в ней теряется глубинная значимость революционных преобразований, они, прекращая быть вехами и опорными пунктами новых этапов науки, становятся «...единицами измерения и в нормальной, и в революционной фазах развития науки» [13, с. 182].

В «Дополнении 1969 года» [8] Кун еще раз защищает предложенные позиции, при этом, иногда, в случае согласия с замечаниями, прибегает к определенной коррекции своих взглядов:

1. Американский исследователь признает справедливость претензии в том, что он преувеличивает единодушие ученых в их следовании парадигме в «нормальной» фазе науки [8, с. 235]. Тем не менее, в ответ он замечает, что в истории науки немало примеров, когда будучи единомышленниками (то есть, разделяя парадигмальные посылы) касательно одного аспекта проблемы, ученые спорили по поводу ее решения в другом аспекте. Таким образом, парадигмальная общность не обязывает специалистов соглашаться друг с другом во всем и вся.

2. Кун отвергает и претензию в том, что он связывает понятие научных революций исключительно с крупными событиями и крупными именами. Он поясняет, что революционными полагает любые изменения (не обязательно глобальные) по реконструкции предписаний, определяющих деятельность группы исследователей [8, с. 235-236].

3. Наконец, автор «Структуры...» вносит поправку касательно положения о том, что революции в обязательном порядке предшествует кризис: «...Кризисы служат как бы прелюдией, то есть предпосылкой, питающей саморегулирующийся механизм, который дает нам уверенность в том, что прочность нормальной науки не будет вечно непоколебимой» [8, с. 236].

Вторая значимая претензия к концепции Куна сводится к обвинению методолога в склонности к иррационалистическому толкованию процесса развития науки. Например, критик И. Лакатос считает, что «...Кун склонился к весьма оригинальной концепции иррациональной смены рациональных авторитетов» [10, с. 253], тогда как низвержение ранее господствующей теории является исторически обусловленным: оно определяется длительной борьбой между старой теорией и вереницей аномалий, которые уже нет возможности не замечать или умалчивать.

Развивает мысль Лакатоса Карл Поппер, который, признавая тезис Куна о существенности психологического фактора («переключение гештальта») при смене парадигм, все же настаивает на том, что он менее значим, нежели рациональные основания этого феномена. Он пишет [12, с. 558], что безусловно существуют

примеры иррациональных переходов от одного «концептуального каркаса» (термин Поппера) к другому, переходов, подобных обращению в другую религию, когда ученые принимают новую парадигму, повинувшись социальным детерминантам («мода в науке») или психологическому влечению, вызванному влиянием авторитета новатора. Однако, «зря в корень», исследователь всегда обнаружит логический фундамент решения в пользу новой модели. Например, оценив глобальность скоростей движения экваториальных звезд в соответствующей сфере (аристотелево-птолемеевская модель) вокруг Земли и сравнив их с относительно малой скоростью движения Земли в коперниканской модели, ученый на рациональном побуждении примет вторую модель.

Критика за отхождение от рациональной канвы в пояснении движущей силы развития научного знания звучит и у отечественных авторов Микулинского и Марковой. Они полагают сомнительным тезис Куна о таком фундаментальном основании революционного скачка к новой парадигме, как вера в ее будущий успех в решении исследовательских задач – это, по их мнению, лишает процесс развития науки закономерности, рациональности, исторической необходимости [11, с. 290]. Это положение озвучено в духе общей установки диалектико-материалистической картины мира: согласно третьему закону диалектики каждый последующий этап развития (в данном случае – науки) подготовлен и обусловлен предыдущим. Подобная мысль звучит также у таких методологов как В.И. Кураев [9], В.С. Стёпин [14], других исследователей. В то же время, Микулинский и Маркова указывают [11, с. 289] на то, что некоторые западные авторы (например, Лакатос) отход от рациональности связывают с куновским обозначением в качестве факторов научного развития социальных и личностных условий, что, в свою очередь, также заслуживает критики, ибо и психологические, и социальные детерминанты деятельности как единичного ученого, так и научного сообщества в целом также являются компонентами, создающими контекст исторической необходимости. Отметим, что такой выпад в сторону западной методологии науки еще относительно мягок. Р. А. Вихалемм, например, напрямую обвиняет [2] К. Поппера, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Т. Куна, С. Тулмина в явном или латентном «протягивании» через историю и методологию науки «идеологических намерений», но при этом свысока вещает: «Поскольку буржуазные философы, естественно, не исходят из марксистской теории общества, постольку современная буржуазная философия науки, а, в конечном счете, также историография науки неизбежно имеют ненаучный характер» [2, с. 27]. По мнению Микулинского и Марковой, Кун, имея прекрасные перспективы детального рассмотрения социальных факторов научного развития (введение понятия научного сообщества к этому располагало), не реализовал их, от чего труд заметно проиграл.

В этой ситуации Томас Кун вынужден был отвечать, ибо такая критика превращала его либо в иррационалиста, либо в псевдоисторика. Примечательна по этому поводу полемика Куна и Лакатоса (кстати, слова последнего «...там, где Кун и Фейерабэнд видят иррациональный переход, историк сможет показать, что этот переход был рациональным» [10, с. 257] действительно ставят перед такой малоприятной дилеммой). Кун выделяет [7, с. 280-281] две причины, по которым, судя по всему, Лакатос и выдвигает свои претензии. Во-первых, это тезис о том, что логичность и эмпирическая подтверждаемость новой теории не являются

единственными основаниями для выбора новой парадигмы («исследовательской программы» – термин Лакатоса), во-вторых, – утверждение того, что зачастую первичным является выбор научного сообщества в пользу новой парадигмы, а вторичным, определяемым этим выбором, – база верификации. Иными словами, именно выбранная учеными новая модель постановки и решения «головоломки науки» «притягивает» ту доказательность, на которую без переломного решения попросту не обратили бы внимания.

Касательно первого обвинения Кун резонно замечает, что оно несправедливо, ибо зависимость развития науки от психологических моментов, выражающихся в поведении ученых (которое не всегда рационально) – достаточно труднооспоримый факт, но это еще не означает, что наука, исходя из этого, иррациональна. В помощь Куну заметим, что, как нам видится, здесь Лакатос несколько опрометчиво отождествил иррациональность элементов (моментов поведения отдельных ученых) и иррациональность целостной системы (науки). Финансовые трудности могут заставить одаренного ученого начать злоупотреблять алкоголем (иррациональный элемент), что приостановит разработку волновавшей проблемы, однако объективная ее актуальность (рациональное начало) побудит либо «блудного сына», либо новых исследователей вернуться к временно отставленной научной деятельности.

В ответ на второй пункт обвинений автор «Структуры научных революций» требует при анализе его взглядов обращать внимание на тот факт, что формирование научных сообществ, а также принятие ими новых парадигм фундированы ценностями, которых придерживаются члены этих сообществ, сами же ценности «...получены в значительной степени на основе изучения примеров прошлых применений теорий [курсив мой – В. Х.], а не путем изучения правил их применения» [7, с. 282-283]. То есть, учитывая опыт разработки прошлых парадигм, осознавая невозможность осмысления аномалий в рамках старых предписаний, научное сообщество принимает новые с надеждой на то, что именно новая парадигма качественней и в более широком спектре позволит осмыслить факты.

Кроме вышеобозначенных, отметим и другие позиции критики куновской концепции.

1. Фейерабенд корит своего коллегу за двусмысленность изложения идей [16, с. 110 – 112]: у Куна нет определенности в решении вопроса о том, что он предложил читателю: четкие методологические установки, предписания или описание реальных развития науки безоценочного характера? Без прозрачности и ясности этой позиции не будет определенности и в более конкретном вопросе: действительно ли «улучшение» науки (Фейерабенд имеет в виду приближение к некоему эталону наукообразности) должно быть связано со сплочением ученых под знаменами одной парадигмы, со стремлением примкнуть пока еще неопределившихся к сформировавшемуся сообществу.

2. Марк Вартофский категорически не приемлет [1] куновского понимания взаимосвязи метафизики (в исходном, аристотелевском («первая философия») толковании этого термина) и науки: по сути, демаркация между ними оказывается невозможной, ибо метафизика (как картина мира) «...неразрывно связана с формулировкой самих критериев научной значимости в любой зрелой науке, поэтому она связана с самим понятием факта и с условиями теоретической осмысленности научных утверждений» [1, с. 76-77]. В куновской концепции, таким

образом, метафизика оказывается растворенной в элементах парадигмы или, добавим, лишь материалом связи этих элементов, что ставит ее в подчиненное по отношению к парадигме положение.

Перейдем к осмыслению современных акцентов в толковании термина «парадигма». Таковых здесь будет выделено два.

Во-первых, объем понятия парадигмы на постнеклассическом этапе развития науки значительно расширился: по смысловой нагрузке оно приближается к понятиям «мировоззренческая система», «картина мира». Более того, некоторые исследователи идут далее. Например, А.Г. Дугин (отметим, что, как бы сложно это ни было, мы постараемся абстрагироваться от его весьма радикальных политических взглядов, сосредоточившись лишь на интересующей нас сфере его исследований) предлагает наряду с категорией парадигмы ввести в научно-философский тезаурус более глобальную понятийную конструкцию – «сверхобобщающая парадигма» или «метопарадигма» [4, с. 40]. Под таковой понимается «...обширный комплекс непроявленных установок, предопределяющих саму манеру понимания и рассмотрения природы реальности, которые могут в оформленном качестве порождать многообразные философские, научные, религиозные, мифологические и культурные системы и комплексы, имеющие – несмотря на все свои внешние различия – некоторый общий знаменатель» [4, с. 40-41]. Дугинская «метопарадигма» не только не привязана к конкретной форме культуры или типу мировоззрения, но и оказывается глубже самих мировоззренческих установок в целом, выступая как некая «...предмировоззренческая туманность, способная выкристаллизовать из себя (как в системе Лапласа) неопределенно большую систему мировоззрений» [4, с. 42].

Во-вторых, как уже было указано в первой части статьи, в силу роста значимости человеческого фактора в современной науке, когда результаты познания во многом определяются избранной методологией, а она, в свою очередь, – мировоззренческими позициями, разделяемыми тем или иным научным сообществом, постнеклассическая мысль провозгласила научную картину мира принципиально антропной («человекомерной», «человекомерной») [3; 5; 6; 15]. Антропный принцип (в его методологическом аспекте), приобретающий начиная с 70-х годов прошлого века все большую популярность и прилагаясь ко все более широкому спектру исследовательских областей, ни в коем случае не должен быть воспринят как возвращение к софистическому идеалу субъективной истины, выдвижение которого было во многом обусловлено осознанием несовершенства познавательных способностей человека (скептицизм – достаточно широко представленная в греческой философии позиция). Нет, античный тезис «Человек есть мера всех вещей» функционирует в научном знании сегодняшнего дня скорее как декларация того, что, поскольку именно человек исторически несет гордое имя субъекта познания, то и он же определяет фундаментальные основания, вектор, стиль и, как следствие, результаты исследований. В этом духе видится современным исследователям и будущее науки. Так, В.Э. Войцехович выдвигает концепцию дальнейшего развития научного знания: «Имеются все предпосылки для реализации человекомерности постнеклассической науки в виде конкретных понятий и теорий, для чего необходимо продолжить пересмотр оснований науки и разработать новую методологию, ориентированную на антропные ценности» [3, с. 51].

Такое положение вещей обусловило и соответствующее прочтение темы парадигмальности – постнеклассическая экспликация термина «парадигма» также во многом фундирована представлениями о человекомерности знания. Применяя категорию парадигмы для обозначения не только узконаправленных «исследовательских программ», «моделей постановки проблем и их решений» в рамках конкретной науки, но и мировоззренческих позиций, общекультурных оснований, мы не имеем оснований требовать от парадигмальных установок всеохватываемости и общечеловеческого признания. Сам характер вопросов, под решение которых подводится та или иная парадигма, предполагает относительность «правильного», «истинного» (разумеется, если речь идет не о давно и, похоже, навсегда решенных вопросах – например, об истинности геоцентрической или гелиоцентрической систем). Эталон объективной истины (классический период) сменился эталоном субъект-объектной истины [3], однако эта особенность знания не должна быть рассматриваема в качестве его ущербности: сосуществование различных моделей мысли – естество человеческого бытия и познания. Исходя из этого, мы и предложили в первой части работы принципы комбинации парадигм, имевших место быть в истории человеческой мысли.

Выводы

Во второй части статьи рассмотрены основные позиции критики куновского видения развития науки (сама концепция Т. Куна была рассмотрена в первой части работы). Как наиболее существенные нами выделены следующие замечания:

1) Куновская модель, демонстрирующая развитие научного знания как чередование фаз «нормальной науки» и научных революций, не соответствует действительности, далеки от реалий функции «нормальной науки», противоестественна вытекающая из этого дискретность старой и новой парадигм (П. Фейерабенд, С. Тулмин, К. Поппер, С.Р. Микулинский, Л.А. Маркова).

2) Кун склонен к иррационалистическому объяснению процесса развития науки: по его мнению, переход к новым парадигмальным установкам зачастую определяется верой в их грядущий успех, интуитивной догадкой о большей перспективности новой модели «решения головоломок». Это, как полагают критики, лишает процесс развития науки закономерности, рациональности (И. Лакатос, К. Поппер, С.Р. Микулинский, Л.А. Маркова).

3) Американский методолог двусмысленен в изложении идей. Так, не выясненным оказывается вопрос о сущности излагаемого Куном: является ли это методологическими установками или просто описанием реальности развития научного знания (П. Фейерабенд).

4) Кун недооценивает метафизику: она оказывается в подчиненном по отношению к парадигме положении (М. Вартофский).

2. Ответом на критические замечания становится ряд работ Томаса Куна, среди которых особенно выделяется «Дополнение 1969 года»: некоторые он принимает (как, с его точки зрения, справедливые и корректные рекомендации), с которыми – категорически не соглашается. Однако, несмотря на значительность критики концепции Куна, отметим, что именно после выхода в свет «Структуры...» понятие парадигмы, являющееся в ней одним из центральных, вошло в общенаучный и философский тезаурус, что послужило основанием для постановки и решения целого круга новых проблем.

3. Особенности постнеклассического этапа развития науки обусловили соответствующую артикуляцию понятия парадигмы. Во-первых, в современном знании оно нередко стало использоваться как близкое понятиям «мировоззренческая система», «картина мира». Возникли также исследования, результатом которых стало предложение более широких, нежели «парадигма», категориальных конструкций (например, А.Г. Дугин: «сверхообобщающая парадигма»). Во-вторых, в силу доминирования идеи человекомерности научной картины мира, парадигма стала пониматься не как единственно истинная фундаментальная модель мысли, а как одно из возможных решений той или иной проблемы. Таким образом, сосуществование взаимоисключающих парадигм сегодня воспринимается как естественное в виду поливариантности решений, изначально заложенной в потенции поднимаемых вопросов.

Список литературы

1. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки): Сборник переводов; пер. с англ. А. Л. Никифорова. Составление, вступительная статья и общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского / Марк Вартофский. — М. : Прогресс, 1978. — С. 43–110.
2. Вихалемм Р. А. Принципы разработки методологии науки как теоретической реконструкции истории науки // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки : Материалы к VII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки» (Вильнюс, 1982) / Под ред. Б.М. Кедрова и др. / Р. А. Вихалемм. — М. : ВИНТИ, 1982. — С. 26–28.
3. Войцехович В.Э. Антропна ли постнеклассическая картина мира // Постнеклассические практики и социокультурные трансформации : Материалы VI международного междисциплинарного семинара / Под общ. ред. О.Н. Астафьевой / В.Э. Войцехович. — М. : МАКС Пресс, 2009. — С. 46–51.
4. Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки / А.Г. Дугин. — М. : Арктогея-Центр, 2002. — 418 с.
5. Ершова-Бабенко И. В. Место психосинергетики в постнеклассике // Постнеклассика : философия, наука, культура : Коллективная монография. Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Стёпин / И.В. Ершова-Бабенко. — СПб. : Издательский дом «Мирь», 2009. — С. 460–488.
6. Казютинский В. В. Антропный принцип и мир постнеклассической науки [Электронный ресурс] / В. В. Казютинский. — Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0202/010a/02020030.htm>
7. Кун Т. Замечания на статью И. Лакатоса // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки): Сборник переводов; пер. с англ. А.Л. Никифорова / Составление, вступительная статья и общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского / Томас Кун. — М. : Прогресс, 1978. — С. 270–283.
8. Кун Т. Структура научных революций / Томас Кун; пер. с англ. И.З. Налетова. — [2-е изд.]. — М. : Прогресс, 1977. — 304 с.
9. Кураев В. И. Проблема роста научного знания в свете ленинской теории отражения // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки / Под ред. Б.М. Кедрова и др.: Материалы к VII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки» (Вильнюс, 1982) / В.И. Кураев. — М. : ВИНТИ, 1982. — С. 13–16.
10. Лакатос И. История науки и ее реконструкции / Имре Лакатос // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки): Сборник переводов; пер. с англ. А. Л. Никифорова / Составление, вступительная статья и общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского / Имре Лакатос. — М. : Прогресс, 1978. — С. 203–269.
11. Микулинский С. Р. Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций // Кун Т. Структура научных революций / С. Р. Микулинский, Л. А. Маркова. — М. : Прогресс, 1977. — С. 274–292.

12. Поппер К. Миф концептуального каркаса // Логика и рост научного знания. Избранные работы ; пер. с англ. Л.В. Блинникова и др.; сост., общ. ред. и вступ. статья В.Н. Садовского / Карл Поппер. — М. : Прогресс, 1983 — С. 558–593.
13. Тулмин С. Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки): Сборник переводов ; пер. с англ. А.Л. Никифорова / Составление, вступительная статья и общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского / Стефан Тулмин — М. : Прогресс, 1978. — С. 170–189.
14. Стёпин В.С. Интенсивный рост научного знания и проблема эвристических функций философии // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки / Под ред. Б.М. Кедрова и др.: Материалы к VII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки» (Вильнюс, 1982) / В.С. Стёпин. — М. : ВИНТИ, 1982. — С. 16–19.
15. Стёпин В.С. От теоретического знания к постнеклассическим практикам // Постнеклассические практики и социокультурные трансформации: Материалы VI международного междисциплинарного семинара / под общ. ред. О.Н. Астафьевой / В.С. Стёпин. — М. : МАКС Пресс, 2009. — С. 6–9.
16. Фейерабенд П. Утешение для специалиста // Избранные труды по методологии науки ; пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова / Пол Фейерабенд. — М. : Прогресс, 1986. — С. 109–124.
17. Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // Criticism and the Growth of Knowledge. / Ed. I. Lakatos, A. Musgrave / Imre Lakatos. — Vol., 1965. — Cambridge: University Press, 1970. — Pp. 91–196.
18. Putnem H. «Degree of Confirmation» and Inductive Logic / H. Putnem // The Philosophy of Rudolf Carnap / Ed. P. A. Schilpp / H. Putnem. — La Salle, Illinois : Open Court Publishing Co., 1963. — Pp. 761–783.

Ханжи В.Б. Поняття парадигми: від кунівських акцентів до постнекласичної інтерпретації. Ч. 2. // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. — 2012. — Т. 24 (65). — № 1-2. — С. 18–27.

Перша частина статті була присвячена визначенню основних положень кунівського бачення розвитку науки, в першу чергу, — виявленню сенсу поняття «парадигма». У другій частині здійснено узагальнення головних позицій критики концепції філософа, а також розвинене розпочате в першій частині осмислення постнекласичних акцентів в артикуляції терміна, що винесено в заголовок роботи.

Ключові слова: парадигма, нормальна наука, наукова революція, концептуальний каркас, дослідницька програма, надузгальнююча парадигма.

Khazhy V.B. Concept of a paradigm: from kuhn's accents to the post-non-classical interpretation. Part 2 // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. — 2012. — Vol. 24 (65). — № 1-2. — P. 18–27.

The first part of the article covered the definitions of key propositions of Kuhn's vision of the development of science, especially the clarification of the meaning of a concept of paradigm. In the second part main points of criticism of philosopher's conception are generalized and also a comprehension of postnonclassical accents in the articulation of the term put to the headline of the article is continued.

Key words: paradigm, normal science, scientific revolution, conceptual framework, the research program, overgeneralizing paradigm.

Статья поступила в редакцию 10.09.2011.